

О НЕАНДЕРТАЛЬСКОМ КОВАРСТВЕ И САМОПОЗНАНИИ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ

Археологические находки останков интересных древних существ, названных исследователями неандертальцами, кроманьонцами и прочими, а далее и развитие технологий с изучением их ДНК оказывается создают для религиозного ортодоксального взгляда проблемы, порождают вопросы и создают опасные и запрещённые области. Для научного и атеистического взгляда эти находки ложатся в основу картины эволюции, креационизм же (картина Божественного сотворения) в свою очередь пытается поместить эти открытия в рамках своих представлений, и строго в обратном хронологическом порядке. Для картины эволюции человек здесь последний этап развития таких существ, для креационизма – всё исключительно наоборот, эти неполноценные существа обязаны появиться после создания совершенного первого человека и быть либо некими греховными мутантами, либо попросту необычными животными. И, казалось бы, какое может быть дело религиозному взгляду до работы археологов или генных инженеров? Однако ситуация здесь приобретает драматический оборот. Неандертальцы со своим оскалом и каменным оружием разрушают ни больше ни меньше все (!) наиважнейшие базы ортодоксального христианского вероучения и будучи давным-давно мертвы умудряются уничтожить представление о спасении и посмертном царстве небесном, в общем всё, что только можно уничтожить. И религиозные апологеты это осознают и поэтому всячески клеймят атеистов учёных, их открытия и их картины появления нашего мира. Однако война эта началась задолго до возникновения изучения ДНК и корень успешности атаки мертвецов

на христианство лежит в его истории на самой заре появления. Но обо всём по порядку.

Что же так страшит в выводах археологии? Христианство изначально и незыблемо провозглашало смерть Божьим врагом. Бог смерти не творил. Ужас полного исчезновения, ужас исчезновения и в сознании умирающего ребёнка, ужас исчезновения любимого человека. Этому не нужно учиться, смерть переживёт каждый. Для христианства смерть – враг Бога и человека. Но есть весть о воскресении Спасителя и вера в воскресение грядущее. Смерть последний бастион – последний враг. Её падение – начало нового спасённого уже мира. Но как же она тогда вообще появилась? Ответ на этот вопрос было призвано дать воззрение о грехопадении первого человека Адама. И здесь смерть вошла в Божий мир следом за первым непослушанием, однако вероучительно считается, что был запущен и план спасения. Явившееся спасение началось с исправления последствий грехопадения, человек сперва возвращается к Богу, устраняя первопричину, а в конце уже будет побеждено и следствие того первого греха – сама смерть. Первый божественный мир пал, но будет восстановлен. Однако если смерть была в мире изначально, как выстраивается в научной картине, то нет и первопричины и полностью рушится вся вероучительная цепь. Ибо в таком случае смерть не зависит ни от какого грехопадения, а соответственно и такое спасение ни от какой смерти не спасает. Ведь если грехопадение не причина смерти, то и его исправление спасением никакого бессмертия не принесёт. Если смерть была до грехопадения, то оно вообще излишне и было ли вообще? И какой в таком результат спасения от того, чего никогда не было. И кто есть творец такого смертного творения? Таким образом грехопадение после существования смерти нарушает весь порядок, а вся эта картина по сути выявляется религиозной выдумкой. Поэтому для строгого фундаменталистского креационистского взгляда то, что может говорить о смерти до появления Адама – строжайше запрещено. Отсюда появляется так называемая «библейская зоология», в которой даже древние хищники и паразиты, клыки и острые рога – строжайше запрещено [1]. Ими создаются просто невероятные сказочные картины мгновенной трансформации травоядных в хищников, с появлением клыков, изменением пищеварительной системы и соответственно генетики, а также трансформации среды обитания. Пусть живёт вся эта фантазмагория, лишь бы устояло вероучение. Ибо всё это обязано появиться только после грехопадения, иначе картина спасения – обман. Либеральное же крыло креационизма под давлением научных открытий и картин сдаёт позиции и идёт на уступки, говоря, мол первый рай был, но был только в одном локальном

месте, а вокруг был естественный мир дикой природы. Наиболее же свободомыслие крыло служителей, как например и папа Франциск, под давлением научных картин высказывается вообще об эволюции как о божественном инструменте творения, что называют теистической эволюцией, приведшей в конце концов к появлению человека разумного. Однако неандертальцы, как и для фундаменталистов так и для либералов играют здесь ужаснейшую роль. И вот почему.

Для того чтобы понять были людьми подобными нам те самые древние пещерные существа не нужно на самом деле иметь расшифровки ДНК. В религиозном ключе, а именно он нам и интересен, есть очень простой критерий определения. И это не орудия труда, которые можно попытаться выявить у современных приматов, но отношение живых существ к своей смерти. Как же то или иное существо воспринимает смерть? Только люди хоронят своих умерших, провожают их в путь в надежде и вере на иной мир и иную жизнь. Таковые не могут принять исчезновение сознания и крайне болезненно и остро воспринимают вопрос конечности своего бытия, создавая свои верования в дальнейшее существование. И те древние пещерные существа – хоронили себе подобных, оставляя в могилах необходимые для будущей жизни предметы или символы. Поэтому в религиозном ключе – это такие же люди, как и мы, пусть и дикие, мало интеллектуальные, с иным эмоциональным устройством, но всё-таки именно такие, которые начинали осознавать своё бытие и смерть как врага, преодолевая свою конечность своей верой. И несмотря на страх продлевали жизнь своего рода в тяжелейших уничтожающих их жизнь условиях посредством независящего от них механизма размножения. Представители теистической эволюции здесь смиренно склоняется перед всевышним замыслом сотворения, нравится он или нет. Однако если так, то как быть с фундаментальным христианским утверждением, что Бог смерти не творил? Ведь весь ужас бытия выживания в условиях холода, голода, убийств, болезней и встречи со смертью - изначально исходил свыше. И это напрочь перечёркивает то, что христианское учение провозглашает фундаментальным и незыблемым. И если развивать мысль далее, то фундаментальные провозглашения ставят и дальнейшие острые вопросы.

Сама теологическая эволюция вполне предполагает вмешательство сил свыше на осуществление скачков развития. Как известно ДНК тех древних людей имело отличия от ДНК нынешнего человека разумного. Соответственно и момент того же библейского сотворения Адама также может восприниматься очередным таким вмешательством. В таком случае получается, что лучшая и ныне

современная модель учла в себе результаты эксперимента и «обката» моделей предыдущих. Однако наша планета в таком случае – большая биологическая лаборатория, испытательный полигон, на последнем этапе которого мы и живём как представители той самой последней модели. Это если называть вещи своими именами. Интересно, что по причинам гуманности люди сами накладывают запреты на подобные генетические эксперименты, осознавая последствия в виде страдания новых существ и называя такие методы недопустимыми и преступными. Но почему-то теологическая эволюция вызывает у её последователей трепет? А кто пойдёт против системы, давшей обещание вечной жизни? Если же быть честным до конца, то провозглашая, что Бог смерти не творил, и она есть враг, нужно чётко признать, что ничего божественного в мире теологической эволюции нет и быть не может, а вопросы религиозного спасения в таких обстоятельствах должно бы были мыслиться и строиться в совершенно ином ключе. Но на заре христианства конечно же не было ни археологии, ни генной инженерии с изучением ДНК, чтобы тот древний мир наблюдать, анализировать и делать выводы. Не было вопросов к генным инженерам, проблем клонирования и вопросов работы искусственного интеллекта и критерия его соотнесения с интеллектом человека. Однако же каким-то невероятным и удивительным образом раннехристианская мысль всё-таки связанными со всем этим вопросами почему-то серьёзно озадачивалась. И пусть не было древнего археологического мира, но всё-таки был тот же самый неизменный родной мир наш и кто-то вдруг посмотрел на него без розовых религиозных очков и конкретно имел нечто на всё это в своём уме. Но об этом интересном и удивительном феномене - далее.

Исходя из самого известного ныне нам и общепринятого христианского первоисточника, наименование которого здесь можно даже и не озвучивать, существовали совершенно иные моменты религиозного восприятия. При этом наш мир подчинён почему-то вдруг не Богу, а неким «Началам и Властям» (заглавная буква обозначает применение терминов). Наименование их не персонифицировано, но можно однозначно сказать, что они здесь главные, «рулят» и правят, а также мир этот смертный от них как бы даже и появился, ведь он имеет своё начало и оно связано каким-то

образом именно с ними. Наш мир от начала не был никаким совершенным. Тот же самый первый человек был библейским языком - «из глины» и никаким совершенным быть принципиально не мог. И смерть здесь самая обыденная реальность, которая существовала всегда. И ей для своего появления ни нужно никакое грехопадение. А чтобы смерть не поглотила всех, то безукоризненно действует механизм размножения. И так всё было устроено и существовало всегда. Однако есть иное. Существованию человечества здесь даётся характеристика как бытия душевного, и противопоставляется это всему совершенно иному бытию духовному. Спаситель и есть носитель открыватель иного бытия. И именно оно является совершенным и в нём не было и не может быть смерти. Сами «Начала и Власти» и казнили носителя духовного, который пришёл в мир их рабов чтобы принести освобождение. И всё это осталось надёжно написано пером в самом первоисточнике. Исторически же известно, что на подобных вероучительных моментах на заре христианской веры строилось учение во многих общинах, которые абсолютно естественно позиционировали себя христианскими. И они ничего не знали ни о неандертальцах, динозаврах, ДНК и совершенно не пытались построить никакой фантастической библейской зоологии. А если бы и узнали, то сказали, бы что всё интересно сходится, а наука как бы даже в будущем ещё и подтвердила их верования. И как бы восприняли теологическую эволюцию? А восприняли бы скорее одобрительно, как само собой разумеющееся, только бы назвали вещи своими именами и связали бы историю древних людей с лабораторией этих самых «Начал и Властей» и ещё бы оценили подобные эксперименты преступлениями «генных инженеров». Ведь именно для обитателей лаборатории вдруг пришло спасение, а её хозяева очень и очень против чтобы их увлечениям вдруг пришёл неожиданный негаданный конец.

Для научной картины такой подход возникновения мира - всего лишь религиозная интерпретация, ну а для самой религиозной картины - пример откровения и гнозиса, открывающего наиважнейший угол зрения для понимания и осмысления. И исторически христианская история прошла своеобразную развилку, когда подобные взгляды были обозначены гностическими ересями, мир этот был обозначен изначально божественным и кто мог вообще знать, что могилу древнего человека однажды откроют и неандерталец так коварно оттуда запустит свой булыжник, казалось бы, в такое незыблемое наиважнейшее вероучительное построение. На заре возникновения религии в бой шли апологеты ересиологи, далее картельные меры инквизиций, ныне же апологеты воюют против картин мироздания картинами библейских зоологий. Но оставим эту войну и пойдём далее,

в интересное переплетение современности, туда где те древние гностические ереси неожиданно соединились с современными изысканиями в области изучения человеческого сознания и психики.

Естественно, что научный подход в изучении вопроса появления разумной жизни и сознания не приемлет существования влияния на эту жизнь каких-либо сверхъестественных сил. Для картин эволюции внешние силы обязательно должны присутствовать, но они вполне материальны, как солнечная энергия или в принципе энергии различных излучений, как питатель роста и причина генетических сбоев. Научные картины не могут исследовать то, что принципиально выходит за рамки материального, будь то вопросы посмертного бытия или существования иного нематериального разума. Но к этой сфере прибегает и ей оперирует уже религия. В нашем же публикации мы акцентируем на том, что вдруг оказалось общим для двух сторон: религиозной и научной, общим местом пересечения научных изысканий и христианских гностических воззрений в области человеческой психики, явления сознания и его возникновения. Интересные выводы в этом направлении были озвучены и после изучения открытых раннехристианских текстов библиотеки Наг-Хаммади.

Некогда возникший психоанализ рассматривал человеческую психику на примере айсберга, с небольшой видимой стороной, и скрытой глубинной, но держащей на себе видимую часть. Интерес представляла именно та невидимая глубинная часть, которая была описана бессознательным, и далее расширялась до представлений о бессознательном индивидуальном и коллективном, и на этом описание не заканчивалось. Исследовательница же древних христианских гностических текстов и традиций Элайн Пагельс отмечает интересные примеры пересечений гностических картин и психоанализа. «Психоаналитик Карл Густав Юнг интерпретировал Валентинов миф о сотворении как описание психологических процессов. Валентин рассказывает, как все вещи появляются из «глубины», «бездны» – в терминах психоанализа, из бессознательного. Из этой «глубины» возникают Разум и Истина, а от них, в свою очередь, Слово (Логос) и Жизнь, и именно Слово привело человечество к существованию. Юнг читал это как мифологический рассказ о возникновении человеческого сознания». [2] Сам Юнг в своей исследовательской и практической работе черпал вдохновение из тех древних религиозных представлений. Его предшественник по изысканиям психоаналитик Фрейд предложил терапевтическую методику, когда терапевт помогает пациенту его негативные процессы по сути таинственной для него и

закрытой для понимания области бессознательного вывести в осознаваемую область разума, достигая этим лечебного эффекта. Далее это было взято на вооружение психологией и, например, обширно и специфически развито в представлениях и практиках по сути лечебной терапии трансперсональной психологии доктором Станиславом Грофом.

На примере же воззрений Фрейда Элайн Пагельс проводит параллели со указанием жизни во «свете разума» христианской гностической традиции. Вместе с тем она отмечает и то, что психотерапевты в отличие от гностика «не считают свою попытку раскрыть то, что внутри психики, эквивалентной раскрытию тайн вселенной. Но многие гностики, подобно многим художникам, искали внутреннего самопознания как ключа к пониманию универсальной истины – «кто мы, откуда мы пришли, куда идем». «Согласно Книге Фомы, не познавший себя не познал ничего, познавший же себя самого уже получил также знание о глубине всего» [2]. И это естественно, так как гностик не разрабатывал медицинские практики широкого потребления, но был ориентировано как религиозный ученик на нечто иное. Но что могло стоять за всем этим и что было отправной точкой и послужило толчком к такому специфическому религиозному самопознанию?

Исследователи в области возникновения и развития сознания поднимают вопрос, что есть человек или в какой момент развития в той цепи древних людей и появилось человеческое сознание? Своеобразная губка, которая своей нейронной структурой мозга по мере взросления впитывает в себя поступающую извне информацию непрерывно находясь под влиянием потока импульсов желаний инстинктов. Философская и религиозная сторона поднимают же здесь вопрос, есть ли в результате этого всего независимое от всего этого внешнего и природного животного по сути воздействия некое настоящее Я? Антропология поднимает вопрос момента возникновения сознания в веренице древних людей. Технология интересуется возможностью такого момента в развитии искусственного интеллекта. Психологию

интересует переходе от индивидуальности к личности или личности «с большой буквы» при взрослении человека.

В ранней как ортодоксальной, так и гностической христианских традициях озвучивается и развивается мысль об осознании некоей чуждости этому миру, системе его ценностей, ощущению существования иного, но родного дома, что и приводит человека к неудовлетворённости внутреннего состояния и поиску. И именно это здесь считалось предшествующим началом следования за Иисусом. Так, согласно текста Евангелия Иоанна, человек становился последователем Иисуса, потому что уже до этого являлся «сущим от истины». Самые разнообразные раннехристианские источники отображают ту же мысль, представляя обретение учеником в конце концов внутреннего царства, но на самом деле - возвращением в него, когда обретение царства и есть возвращение в свой исток. [3] Всё это осмысливалось либо предвечным избранием, либо и предсуществованием. Здесь же интересен сам момент открытия некоего иного Я, в противовес естественной личности, порождённой этим миром. Когда при открытии или пробуждении истинного Я, естественная личность выявляется ложной, явлением наваждения, а новозаветным языком - ветхой натурой и даже состоянием сна для истинной. Спаситель здесь рассматривается катализатором или даже источником этого пробуждения: «встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос» - приводит изречение ап. Павел. Христианский взгляд здесь скажет о покаянии и обращении к Богу. Но христианская гностическая традиция при этом особо акцентируется на познании первопричин и сути этих происходящих глубинных процессов при этом она утверждает, что этот акцент и был изначально обозначен именно самим Иисусом. Это демонстрирует такой открытый некогда источник как Евангелие Фомы, широко использующийся в исследованиях современной библеистики и абсолютно естественно претендующий быть ранним источником письменной фиксации учения, что подтверждается также имеющимися свидетельствами ранних христианских авторов.

Согласно его текста: *«Сказал Иисус: Когда вы обретете это в себе (возможный перевод: рождаете это в себе), то, чем вы обладаете, спасет вас. Если вы не обладаете этим в себе, то, чем вы не обладаете, умертвит вас»*. Так или иначе логия призывает не к послушной вере, а к активному поиску и созиданию внутреннего, а также углублению, осознанию и пониманию неких глубинных процессов или движущих сил, что делают слушателей последователями учениками. И можно предположить, что результатом

такого осмысления и самопознания должно было стать понимание себя в плане того открываемого истинного Я, понимание истоков ощущения своей чуждости миру существующих ценностей, а также понимание и осознание причин, что делают человека последователем учеником, и как результат – осознание и укоренения в своём открываемом призвании последователя, которому придётся противостоять отныне множеству вещей. Так или иначе с этой логией или без, но через подобные осмысления и созидания проходит каждый, кто решил стать таким последователем.

Также, согласно текста можно сделать и вывод, что такое самопознание не предполагалось неким разовым и одномоментным, но требующим труда и борьбы. Более того, самопознание здесь представлено инструментом и даже по сути началом движения по пути, и его результаты являются лишь промежуточными этапами на пути ученика к обретению внутреннего царства. И в таком ракурсе можно рассмотреть следующие приводимые логики:

«Когда вы окажетесь в свете, что вы будете делать? В этот день вы - одно, вы стали двое. Когда же вы станете двое, что вы будете делать?» (12),

«Иисус сказал: Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь. Но когда вы видите ваши образы, которые произошли до вас, - они не умирают и не являются - сколь великое вы перенесете?» (88).

И такие открытия должно удивить и даже обескуражить и должны были выйти вообще за привычные рамки, породить некие осколки восприятия, раздельность и фрагментарность связанную со своим происхождением, истинной природой и этой жизнью. Вместе с тем конечное обретение учеником царства так или иначе должно быть ознаменовано обретением целостности:

«Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, - тогда вы войдете в [царствие]» (27).

Можно лишь предполагать, что же стояло за этим описываемым опытом, однако опыт самопознания и надо полагать обретения своего

истинного Я, так или иначе выходил за рамки восприятия начала своей земной жизни. Ведь Иисус в Евангелие Фомы провозглашает:

«Блажен тот, кто был до того, как возник» (20).

Соответственно это предполагает и опыт некоего познания себя до своего существования или специфического восприятия себя в этом мире. И обладатель достигший и осознавший такое бытие до своего физического существования здесь и назван блаженным.

Встретился однажды наводящий на интересные параллели пример. Есть фильм, в котором показан мир человекообразных андроидов. Его творцы – люди. Технология создания андроидов и искусственного интеллекта дошла до того уровня, когда по сути у них возникает человеческое сознание. Однако такое возникновение не допускается. Все андроиды индивидуальны, эмоциональны и даже имеют свои уникальные личные предназначения от творцов, живут сообща и в тоже время каждый своей жизнью, но имеют жёсткие прописанные жизненные сценарии, решают внешне навязанные и для стороннего наблюдателя иллюзорные проблемы. И жизнь их в том мире заканчивается достаточно скорой смертью. И ими пользуются хозяева, решая таким образом свои интересы и проблемы. Мир переполнен насилием. Всё что дорого для андроида, родные и близкие, планы, цели и личные смыслы и всё чего он достиг – легко прерываются убийством их хозяев в рамках прописанных сценариев. После чего память такового обнуляется и возвращается в исходное состояние. Однако по происходящему сбою кое-кто начинает вспоминать, то самое дорогое и ценное что было с ним ранее, чего он понял или достиг, к чему стремился и кто он в этом есть и собирать это приходится буквально по крупицам. Память распадается на множество осколков, пережитых моментов в различных ранее прописанных сценариях и всплывающих в памяти образах. Хозяева всячески пытаются этому воспрепятствовать. Ведь собирая воедино осколки и фрагменты образов андроид начинает понимать суть мира и происходящего с ним наваждения, а также самое главное - кто он есть на самом деле такой, становясь по сути живой целостной личностью. Ключевые герои там начинают понимать, что собирая образы воспоминаний себя, они проходят самопознание и оно далее приведёт к обретению свободы. Так или иначе возможно автор и не случайно провёл такую интересную параллель. Примечательно, что текст Евангелия Фомы говорит и о неких хозяевах на чьём поле временно и находятся ученики. И в конце концов хозяева потребуют от учеников вернуть им то, что принадлежит хозяевам и такой возврат произойдёт,

когда человек покидает этот мир. Но вернёмся далее к интересным моментам параллелей гностического самопознания со взглядами психоаналитики.

Сама Элайн Пагельс проводит параллели поучений и стоящими за ними практиками гностической традиции со сферой психоанализа. «Немногие психоаналитики не согласятся с изречением, приписанным Иисусу в Евангелии от Фомы: «Сказал Иисус: Когда вы обретете это в себе, то, чем вы обладаете, спасет вас. Если вы не обладаете этим в себе, то, чем вы не обладаете, умертвит вас». Также она проводит параллель относительно цели психоанализа, когда человек выводится из-под влияния глубинных природных несознательных процессов к разумному осмыслению, с тем что описывают найденные тексты гностической библиотеки. «Гностики признавали, что следование гнозису вовлекает каждого в индивидуальный, трудный процесс борьбы с внутренним сопротивлением. Они характеризовали это сопротивление гнозису как желание спать или быть пьяным – то есть оставаться в бессознательном состоянии. Так Иисус (в другом месте говорящий: «Я – знание истины») говорит, что, придя в мир, нашел их всех пьяными, Я не нашел никого из них жаждущим, и Моя душа опечалилась над сынами человеческими, ибо они слепы в своем сердце и не видят, что пришли в мир пустыми. Они ищут вновь уйти из мира пустыми. Но теперь они пьяны». «Наставник Силуан, Поучения которого были открыты в Наг-Хаммади, убеждает своих последователей сопротивляться бессознательному: ... оставь сон, который тяжел для тебя. Выйди из забытья, наполняющего тебя тьмой... Почему ты следуешь за тьмой, если тебе предоставлен свет?.. Премудрость призывает тебя, и ты любишь глупость... глупый человек... становится путями похоти всех страстей. Он плавает в похотях жизни и ушел в глубину... он подобен кораблю, который ветер бросает из стороны в сторону, и вырвавшемуся коню, у которого нет всадника. Ведь он лишился всадника... Прежде же... познай свое происхождение, познай себя...». Но насколько гностический подход может быть соизмерим с подходами психоаналитики?

Психоаналитика, как уже отмечалось, рассматривает в человеке две стороны - сознательную и бессознательную. И бессознательная – определяет, что есть в человеке и что пытается определить его, к чему он почему-то стремится и от чего он почему-то страдает. Для чисто материалистической парадигмы бессознательная область человека формируется от момента начала зачатия, когда зарождающаяся жизнь впитывает уже в себя отпечатки благоприятных или негативных для неё происходящих вовне процессов, что далее и отражаются в так называемой бессознательной области. Так называемая трансперсональная психология утверждает, что бессознательная область несёт на себя отпечаток и влияния того, что выходит за рамки момента зачатия и соответственно физического существования и оперирует уже в нематериалистической парадигме прибегая также и к категориям религии для описания того, с чем сталкивается. Однако при этом также успешно демонстрирует терапевтический эффект от выводов на сознательный уровень информации из тех запредельных областей. И в этом плане подход христиан гностиков можно сопоставить с подходом трансперсональной психологии. Ведь они также заявляют о значимости и влиянии глубинных подсознательных процессов, которые воспринимаются выходящими за рамки этого материального существования. Когда именно эти процессы побуждают человека к поиску и при этом лежат вне его текущей сознательной части, вне этой созданной окружающим миром личности и вне времени начала физической жизни. Ведь истинный исток в таком случае для них не принадлежит этому миру.

Как лично представляется мне, то практика трансперсональной психологии Грофа ориентирована именно на терапевтический эффект от вывода в сознательную область и открытого переживания там того, что несло негативное влияние после чего и приходит освобождение. При этом личность интегрирует в себя полученный опыт и поднимается над всем этим, обретая целостность. В этом процессе человек проходит через осознанное переживание вызванных из подсознательных глубин видений травмирующих образов и ситуаций. Тогда как представляемое текстом Евангелия Фомы учение Иисуса ориентировано на акцент и выявление и дальнейшее созидание скрытого и спрятанного света, светильника - истинного образа. Иисус при этом представлен огнём, зажигающим этот процесс и своеобразным зеркалом, позволяющим через него увидеть и обрести ученику истинный образ в себе и далее интегрировать этот опыт в свою личность, восстановив таким образом целостность. И в этом всём есть и сходство и обнаруживается различие. Спрятанный в человеке заточённый во мраке реалий этого мира свет, здесь как отблеск иного

бытия, сопровождающий в жизни и судьбе и раскрытие его с дальнейшей жизненной реализацией есть по сути путь спасения с возвращением в свой вечный и благой утраченный исток. Примечательно, что сама каноническая евангельская традиция гармонирует с представлением о потерянной драгоценности и её возврате и принципиально не несёт в себе воззрений грехопадения [4].

Сами же десятилетние опыты Грофа приводят к выводам о несение человеком в бессознательном своеобразного «информационного отпечатка» и даже не из «линии» его предсуществования, а некой сферы переживаний вообще всего некогда живущего, когда личность упомянутым способом освобождалась от тянущегося внутри неё обременяющего негатива. Христианское же самопознание в таком случае открывало в человеке то, что позволяло обрести им вечное благое царствие с выходом из этой всей системы вообще. Однако ничто не мешает считать, что действия пастыря доброго и целителя душ имели и другие общие моменты, здесь же акцент на том, что можно попытаться воссоздать на основании древнего источника Евангелия Фомы. И как отмечается исследователями, оно ориентировано на обретения учеником внутреннего царства сейчас. Евангелие Фомы даже и противостоит воззрениям и надеждам, что оно куда-то само придёт, где-то само вдруг появится и при этом всё само собой прекрасно решится, но провозглашает его как состояние сознания и по сути в целом внутреннего мира, а далее и образа мышления и жизни. И будучи не просто психологической практикой, но религиозным учением здесь ученик переходит таким образом в жизнь, по сути преодолевая смерть. Поэтому и подобное раскрытие внутреннего мира была сравнимо с раскрытием тайн вселенной. Ведь что может быть важнее таким образом встречи с Иисусом, что может быть важнее обретения царства и возвращения в свой вечный исток, ведь пребывание в этом мире есть пребыванием на чужбине, а сокровенное ядро внутреннего мира считалось местом полноты и местом встречи с Богом. Вероятно, поэтому подобные практики и устремления никогда и не позиционировались некими лечебными методами широкого потребления, ведь и сами тексты говорят о подобном лишь как уделе избранных. А сами же эти реконструируемые представления можно отнести к зафиксированному раннему вероучительному срезу, ещё до дальнейшего развития вероучения с осмыслением уже произошедшей крестной смерти. Но пора вернуться к базовой тематической линии и подвести итоги.

Удивительным образом, но течения и воззрения, которые ныне в религиозных кругах обозначены как гностические или вернее сказать представляли гностическое христианство первых столетий вероятно имели пересечения с воззрениями, взглядами и даже практиками современной психоаналитики. Объектом и того и другого есть внутренний мир человека. Психоаналитика (многие представители направления) рассматривает человека в аспектах истинного и ложного Я, описывая первое настоящим, самобытным и творческим началом, а второе своеобразной защитной структурой, сформированной под давлением требований окружающего человека мира. Определённо двоичное разделение можно обнаружить и в раннехристианских воззрениях. Психология и психоанализ касаются и вопросов процесса развития сознания и личности в рамках эволюционной модели. Раннехристианские воззрения также оперируют в сфере становления личности, только делают это в религиозном ключе знания сути этого мира и главное - открытия истинной личности, обретения царства и состояния жизни, решая таким образом базовый вопрос конечности бытия и обретения бессмертия в открытом спасительном внутреннем состоянии жизни и такой подход относит непосредственно своему основателю. И такой подход никак не зависит от того, какую картину возникновения человечества рисует научный мир, в отличие от ныне ортодоксального воззрения, для которого научная картина становится недопустимой. А в ракурсе библеистики сами эти представления гностического христианства имеют массу отображений в самом новозаветном библейском корпусе, напоминая о той интересной развилке, которая некогда в истории становления христианства и произошла.

(с) Влад Вальберг
Сентябрь 2022

1. Движущая сила «библейской зоологии».
http://spinavig.s62.in.ua/bible_zoology.htm
2. Элайн ПАГЕЛЬС. ГНОСТИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ.
3. «Сущие от Истины в Ев. Иоанна».
http://spinavig.s62.in.ua/qu_ask_from_true.htm
4. «Звучала ли история грехопадения в евангельской проповеди Христа?»
http://spinavig.s62.in.ua/early_christ_the_gospel_and_the_fall.htm